

БАШИРОВ

Гумер Баширович

МОЯ ТРОПИНКА В ЛИТЕРАТУРУ

Это произошло, когда мне было лет тринадцать. Стояла лютая зима, и вот однажды в сильный буран заблудился ночью в пути крестьянин из соседней деревни и замерз в каких-нибудь ста шагах от околицы. Там его и похоронили.

Я был глубоко потрясен случившимся. Много дней и ночей не находил себе покоя и в конце концов написал об этом событии небольшой рассказ. Когда я прочитал свое творение матери, она тихо заплакала и сказала, что ей очень жалко и детей-сирот, и вдову, и самого соседа, который погиб так бессмысленно — почти у самой деревни.

Я уже знал тогда, что в Казани выходят журналы, но мысль об опубликовании рассказа, конечно, не пришла мне в голову. Написал, прочитал и успокоился. Очевидно, мне тогда надо было лишь как-то высказаться, излить душу...

Спустя несколько лет приехал я как-то с поля и, пока моя лошадь подкреплялась овсом, заглянул к жившей у нас в горнице учительнице Хуршидэ. Эта молоденькая, красивая девушка была прислана в нашу деревню из самой Казани и давала мне почитать книги. Вернув ей одну из книг, я с волнением стал делиться своими впечатлениями о прочитанном. Умение писателя проникать в душу, будоражить мысль, пленять читателя силой своего слова, заставить поверить в то, что он описывает, как в правду самой реальной жизни, — все это настолько захватило и поразило меня, что я восхищенно воскликнул:

— Удивительно! Как это он смог, а? Вот бы и мне стать писателем! Большие черные глаза учительницы еще больше расширились. Она

смотрела на мои грубые, заскорузлые руки, на запыленную одежду, смотрела с укором, с недоумением, словно я осмелился кого-то обидеть.

— Ты? Писателем? Ха-ха-ха!

И эта наивная, как и я, девушка с жаром стала рассказывать о тех, кто пишет книги. По ее словам выходило, что писатели — это прежде всего шикарно одетые и очень красивые молодые люди. У них бледные лица, тонкие руки...

Признаться, это мне не понравилось. В моем воображении писатели были людьми необычными, они обитали где-то на совершенно недостижимой высоте. Они были великими мудрецами, как пророки, добрыми, всезнающими аксакалами, умудренными большим жизненным опытом. К тому же они владели той волшебной силой слова, которая, по моему убеждению, была недоступна простым смертным.

И я пожалел, что сгоряча сболтнул такое. Ведь за моими словами не скрывалось даже тайной надежды стать писателем. То был просто юношеский порыв, вызванный хорошей книгой. Досадно было, что Хуршидэ не поняла меня.

Думаю, что именно самозабвенная любовь к литературе и искусству, почти молитвенное преклонение перед удивительной силой художественного слова и привели меня к той стезе, по которой шел я потом всю жизнь.

В той юношеской горячей любви, как я позже понял, было и немало чрезмерного восторга. Это, по-моему, даже как-то сковывало меня, лишало уверенности в своих собственных силах. Когда спустя много лет мои старшие и более опытные товарищи стали настойчиво советовать, чтобы я серьезно занялся литературным творчеством, я испытывал мучительные сомнения: способен ли я создать настоящее, подлинно художественное произведение?

В молодости я долго не мог «найти» себя. Эти «поиски» затянулись, может быть, еще и потому, что учить меня уму-разуму было некому. Мне едва исполнилось четырнадцать лет, когда умер отец, старшие братья были в солдатах, на войне... Но жизненный опыт мой расширялся. Я работал учителем, после гражданской войны, окончив специальную школу, некоторое время служил в органах милиции, затем стал оперативным работником уголовного розыска. Через некоторое время меня выдвинули на должность народного следователя, а потом районного прокурора. Меня увлекала суровая боевая романтика этой нелегкой работы. Борьба с преступным миром, с наследием прошлого и годов разрухи была важной задачей молодой Советской власти. Тогда в еще доколхозных деревнях встречались и конокрады, приходилось иметь дело с опасными преступниками, с ворами, сталкиваться с какими-то непонятно ожесточенными, иногда злыми, как хищники, людьми. Их изворотливость, наглая бесшабашность вызывали в душе протест и одновременно желание, похожее на чувство хирурга при виде серьезно больного человека: нужна помощь, оперативное вмешательство, надо постараться сделать преступника человеком.

Работал я с увлечением, отдавая делу всю свою молодую энергию. Как счастлив я бывал, когда удавалось распутать запутанный клубок уголовного дела, раскрыть виновников преступления!

Однако о литературе я забыть не мог. Меня неодолимо тянуло к ней. Я чувствовал, что мое настоящее призвание «бродит» где-то около, поблизости. Но я не знал, как совершить перелом в жизни, вернее — не смел! Вероятно, для этого нужен был какой-то резкий толчок. Но об этом я скажу немного позже...

Угодил я в этот суматошный мир в самом начале нашего века, «опоздал» всего лишь на неделю — родился 7 января 1901 года. Не думаю, чтобы мое появление принесло в семью особенную радость. Во-первых, я был не первый и не последний, а восьмой ребенок. Появление первого ребенка радует потому, что он первый. А появление последнего — потому, что, слава аллаху, он последний и родители могут вздохнуть свободно. Во-вторых, каждый из нас, как только появлялся на свет, сразу же торопился предъявить свои требования, громогласно возвестить миру, что его непременно должны и кормить и поить. А нашей семье жилось не очень сладко. Земля рожала плохо, хлеба до нового урожая не хватало даже у тех, кто считался середняком. Половина деревни, в том числе и мои старшие братья (а когда немного подрос — и сам я), вынуждена была ходить на поденщину к соседнему помещику.

Мой отец, как и остальные крестьяне деревни, пахал и сеял. Но, кроме того, немного и столярничал. Несмотря на свою необразованность, он пользовался в народе большим авторитетом: был человеком исключительной честности, правдолюбом, не терпел никакого обмана и лицемерия. На этой почве он часто ссорился с муллою.

Отец очень любил по вечерам слушать, когда ему читали «умные» книги. Особенно нравились ему и матери популярная тогда среди народа поэма «Юсуф и Зулейха» и книги великого татарского просветителя Каюма Насырова, повесть об Авиценне (Абу Али Ибн-Сине) в его переводе. Когда осенью отец ездил в Арск или Казань продать воз хлеба или какую-нибудь живность, чтоб иметь деньги на домашние расходы, он обязательно привозил одну-две книги, так что наша книжная полка никогда не пустовала. Благодаря стараниям отца оба мои старших брата получили приличное по тогдашним временам образование. Даже сестры научились грамоте. Чтобы не отрывать сыновей от ученья, отец взял на себя всю тяжесть ведения хозяйства. Мать была женщина очень робкая, мягкого характера, но тоже грамотная и жизненные невзгоды переносила мужественно, безропотно.

Родился и вырос я в деревне Янасале Арской волости бывшей Казанской губернии. Это была бедная татарская деревня, находившаяся вдали от городов. С трех сторон ее обступали леса, зеленые луга, речки и речушки. Изумительные, милые сердцу картины родной природы — пожалуй, наиболее светлое в моих вовсе не радостных воспоминаниях детства.

Помню, когда мне было лет семь, отец пригласил к вечернему чаю нашего старого муэдзина. В белой чалме и зеленом чапане¹, он важно восседал на мягкой перине. Отец угощал его и просил взять меня в ученье, причем по традиции сказал ему: «Мясо тебе, кости мне». Помнится, муэдзин не забывал о данном ему праве и бил нас довольно часто.

Мы учились в душной полуподвальной комнате. Нас, детей в возрасте от семи до девяти лет, собиралось там десятка два. Тут же резвились ягнята и теленок...

Учение в медресе, куда я перешел на следующий год, было чуть интереснее. К тому времени в медресе, кроме арабского языка, начали преподавать еще географию, родной язык и математику. По сравнению с медресе кадимистов², где ничего светского не преподавалось, это было большим новшеством. Но основным и здесь была зубрежка Корана. В нашу голову усиленно вбивали древний шариат. Конечно, все это и по содержанию и по духу было нам непонятно и чуждо. Мы, дети средней полосы России, где почти у каждой деревни течет полноводная река, бьют родники, сверкает гладь озера, совершенно не понимали, зачем и для чего нам нужно заучивать строгие каноны ритуального омовения песком, если человек окажется «вдруг» в безводной Сахаре. Даже сами муаллимы³ не могли бы объяснить толком, для какой необходимости нам необходимо знать, сколько ослов следует мулле с годового дохода купца взамен верблюда. Мы даже не представляли себе, как выглядят эти ослы и верблюды.

Ясно, что заучивание непонятных и притом страшно скучных наставлений не могло доставить нам никакой радости, и, как только учитель оставлял нас одних, мы с жаром принимались читать новые стихи и петь песни на родном языке. Особенно любили мы стихи, в которых говорилось о безрадостной жизни таких же шакирдов, как и мы. Потом я узнал, что автором этих стихов был любимый поэт нашего народа Габдулла Тукай.

Не пришлось мне, однако, закончить даже такое ученье. Старший брат ушел в солдаты, отец, уже старый и измученный всякими невзгодами, серьезно заболел. Жить стало еще труднее, и меня отдали в ученики к разъездному портному. Это был суровый, неразговорчивый человек. Мы ходили с ним по деревне из дома в дом и шили что придется: чекмени и бешметы, шубы и тулупы — последние, разумеется, для более состоятельных.

Нелегко было мне, тринадцати-четырнадцатилетнему мальчику, оторванному от родного гнезда, каждую осень и зиму, день за днем, с утра до глубокой ночи гнуть спину в чужих домах. Ведь заранее зна-

¹ Чапан — легкое верхнее одеяние, обычно из зеленой шелковой материи.

² Кадимисты — сторонники старой, религиозно-схоластической школы.

³ Муаллим — учитель.

ешь, что, как ни старайся, все равно не услышишь ласкового слова и, кроме придировок и грубых окриков, нечего ждать.

К началу полевых работ я возвращался домой. Но радости было мало и там — сразу же брался за плуг. Все лето, до самой глухой осени, нес я на своих еще далеко не окрепших плечах всю тяжелую крестьянскую работу. А потом снова к портному, снова бессонные ночи в темных избах...

Хотя и не очень часто, но были, конечно, и в моей жизни радости. Меня, босоногого деревенского мальчишку, до слез волновали и удивительный закат летнего солнца над синеющим вдали лесом, и рокот грозовых туч, и ослепительные росчерки молний. Я наслаждался этой непонятной мне грозной силой и суровой красотой природы. Иногда становилось страшно, даже жутко: казалось, эта грохочущая и сверкающая громада всей своей мощью обрушится именно на тебя... Но в этом была какая-то волшебная красота, какая-то неукротимая, непреодолимо дикая сила.

Мне очень хотелось закрепить, запечатлеть эти величественные картины. Но как? Я не знал этого и приходил домой взъерошенный, непонятный даже самому себе.

Большую радость доставляли мне книги. Те редкие дни, когда удавалось раздобыть хорошую книгу, можно сравнить с яркими лучами, пронизывающими серый осенний день. Я читал очень много, без разбора.

В тех домах, где мы жили, на полках для Корана и других религиозных книг, случалось, я находил духовную пищу и для себя. То были тоненькие книжечки Габдуллы Тукая, сборники народных песен, составленные этим поэтом, анекдоты Ходжи Насретдина, байты или рассказы. Когда хозяин в сумерках или в пятницу во время молитвы «джумга» уходил в мечеть, я сразу же брался за книги. Однажды я так увлекся чтением забавных анекдотов Ходжи Насретдина, что и не заметил: хозяин мой стоял на пороге и смеялся вместе со всеми. Но, видимо, сообразив, что в присутствии мальчика-ученика он слишком раздобрился на смех, хозяин снова нахмурил брови и велел мне заниматься делом, а не чтением каких-то безбожных книжек.

Само собой понятно, что в тогдашней деревне большого выбора книг не было: они водились обычно у муллы, муаллимов и еще у нескольких грамотных людей. В возрасте тринадцати — пятнадцати лет, самоучкой, я стал изучать русский язык, и когда начал кое-что понимать, брал почитать книги у попа и учителя соседней русской деревни. В мою невеселую жизнь книги вносили много радости и разнообразия. После работы я всей душой уходил в чтение. Когда тушили в избе лампу, я читал при свете луны или забирался в баню и читал там при свете коптилки. Передо мной открывались новые миры, новые картины, совершенно непохожие на то, что я видел и знал до сих пор. На моих глазах совершались удивительные истории, которые в нашей деревне не могли произойти и за сотни лет. Было над чем задуматься. Я хо-

дил как первооткрыватель, как человек, который нашел неизвестные до сих пор чудесные страны.

Отец мой решил, что поскольку я читаю теперь и русские книги, то непременно стану ученым или, на худой конец, писарем или приказчиком. Я же был горд тем, что узнавал много нового, интересного и поучительного. Жизнь вокруг как бы сама собой становилась светлее. В сознании постепенно утверждалось убеждение, что не везде в мире так серо, однообразно и бедно, как у нас, что жизнь может быть много лучше, ярче, что есть где-то люди сильные, умные, которые борются за счастье на земле.

Когда в стране произошли великие революционные события 1917 года, нам сразу стало ясно: этот невиданный перелом в жизни человечества откроет и для нас, тружеников татарской деревни, пути в новую жизнь.

Я загорелся мечтой поехать в город продолжать учение. Кто-то из знакомых подсказал, что, если я сделаюсь учителем, меня потом непременно пошлют в Казань учиться дальше... И вот летом 1919 года я пошел в отдел просвещения нашего волисполкома сдавать экзамены экстерном. Немолодой лысеющий человек с нависающими на глаза густыми рыжими бровями проверил мои знания по арифметике, географии, родному языку и литературе. Как я потом узнал, это был один из старых коммунистов, человек очень образованный и умный.

Надо было сочинить «художественное» предложение из определенного количества слов. Мне же непременно хотелось рассказать о красивых местах вокруг нашей деревни, и рассказать так же захватывающе сильно, как в книгах... Галимджана Ибрагимова. Какое впечатление произвело мое сочинение на экзаменатора, по выражению его лица я не мог определить. Но когда он начал меня расспрашивать о литературе, мне сразу стало легко. С восхищением и радостным волнением я рассказывал ему о прочитанных книгах. В деревне над моей фанатической привязанностью к книгам, над тем, что я верю им, мои ровесники посмеивались, считали меня мальчиком со странностями. А тут оказалось, что этот серьезный и умный человек понимает меня лучше, чем самые близкие мои родственники и товарищи, что нас, впервые увидевших друг друга людей, сблизил книги. Это открытие страшно обрадовало меня.

Когда я кончил, наробразовец немного подумал и сказал: «Знаешь, энекэш¹, тебе обязательно надо учиться. Да, да! Обязательно!»

Он что-то не досказал, но я понял его. Все мое существо охватила тайная радость, хорошее, светлое предчувствие. Я не знал, что именно ждет меня впереди. Но слова этого человека укрепляли уверенность в своих силах. Я тогда, наверное, был похож на птенца, который вдруг начинает ощущать, что у него тоже есть крылья и он тоже может

¹ Энекэш — ласкательное обращение к младшему брату.

летать, как все большие птицы. За эти теплые, подбадривающие слова я был благодарен этому человеку всю свою жизнь.

Я стал «шкрабом», как говорили в те времена, и меня послали преподавать в школу первой ступени деревни Средние Вережи Арской волости.

Когда я в небольшой классной комнате предстал перед сверкающими от любопытства глазами полсотни мальчишек и девчонок, мне опять вспомнился близкий моему сердцу пожилой человек с густыми рыжими бровями. И я решил для себя, что, кроме всего, что написано в учебниках, мне следует передать этим шустрым, непоседливым ребятишкам еще что-то. Да, что-то хорошее, доброе, что западает в душу навсегда, что готовит их для большой жизни.

Через месяц я подошел к кассе волисполкома получить первую в своей жизни заработную плату. Старик в пенсне, оглядев меня с ног до головы, сказал сослуживцам:

— Вот нынче какие учителя пошли!.. В бешметах!

Но мне некогда было вступать с ним в пререкания. «Осколок старого мира», — подумал я о нем. Больше всего мне хотелось сейчас порадовать немолодую уже мать. Темной ночью, пешком, по колено в грязи я добрался до родной деревни и торжественно высыпал перед взволнованной и радостной матерью целую кучу сорокарублевых кредиток. И, наверное, не было тогда на свете человека счастливее меня!

В 1920 году я стал воином Красной Армии, участвовал в сражениях против Врангеля и банд Махно.

Профессия учителя пригодилась и на войне. Однажды политрук роты предложил мне учить бойцов грамоте: «Мы не старые солдаты, а воины революции. Нам нельзя оставаться неграмотными». И с того дня после строевых занятий или утомительного похода, где-нибудь на поляне или в сарае, я объяснял моим «ученикам», как надо выводить буквы и слагать из них слова и предложения. Среди учеников этих были и выдавшие виды, прошедшие всю мировую и гражданскую войны бородатые дяди.

С каким старанием они выводили непослушные им буквы и как радовались, когда у них что-то получалось! В этом было что-то трогательное и очень хорошее. Суровый воин, не дающий в боях пощады врагу, превращался в ученика, готового учиться и учиться, чтобы потом стать в ряды мирных строителей новой, свободной жизни, которую он защищал сейчас от врагов революции.

За три года пребывания в армии я исколесил почти пол-России. Впервые побывал в Москве, в колыбели революции — Петрограде. В составе легендарных частей Красной Армии я исходил пешком вдоль и поперек всю Таврию. Вместе с русскими, чувашами, башкирами, украинцами и сыновьями других народов молодой Советской страны, преследуя белых, дошел до самого Черного моря. В камышах седого Днепра, на берегах гнилого Сиваша дрался за нашу великую Родину. Нами командовал прославленный полководец Михаил Васильевич Фрунзе, а рядом с

нами сражалась непобедимая легендарная конница Семена Буденного. Я счастлив, что видел Михаила Васильевича. Помню день, когда перед одной из решающих атак этот красивый, удивительно обаятельный человек с лучистыми глазами, в простой солдатской шинели ходил между бойцами, спрашивал о нашем настроении, подбадривал...

В последний день боя за Юшуньские позиции на Сиваше в нашей роте из семидесяти пяти бойцов осталось в живых всего восемнадцать. Некоторых из моих товарищей поглотили коварные чаклаки¹ Сиваша. Другие пали как герои во время штурма неприступных крепостей белых. И все же ночью, в крошечной тьме, мы прорвались через сивашские топи в тыл Врангеля, и град пуль и снарядов не мог остановить нашу яростную атаку. Это был последний бой последних дней гражданской войны на юге и в центре. На завтра наша молодая Советская страна могла уже вздохнуть свободно, залечить свои раны и приступить к мирной жизни.

Об этих незабываемых героических событиях через много лет я написал повесть «Сиваш». И когда сел за эту книгу, почувствовал, что я не один за письменным столом. Много невысказанного осталось у моих товарищей, павших в начале пути, и они обступили меня тесным кругом. Я стремился увидеть прошлое глазами ровесников — молодых бойцов, с которыми по вечерам на привале мы с упоением слушали чудесные песни украинских девчат, а в передышках между сражениями писали страстные письма своим любимым. Я стремился увидеть описываемые события и глазами старых солдат, осмыслить их умом этих мудрых людей. Я не мог забыть, как они тосковали по оставленным дома малым детям, по женам, которых они так давно не видели, как много было в их глазах невысказанной боли и любви! А сражались они, как настоящие батыры.

Всем нам в ту пору было очень трудно. Но если бы совершилось чудо и все это повторилось снова, мы, как один человек, опять пошли бы именно по тому тяжкому пути.

Вернувшись из армии в 1924 году, я окончил специальную школу и начал работать в сельских районах. Тогда же я стал записывать для себя все наиболее значительное из виденного и пережитого. В республиканской печати и московских журналах и газетах, издававшихся на татарском языке, изредка появлялись мои небольшие зарисовки из сельской жизни.

Однако очень беспокоил меня недостаток знаний, и я серьезно решил заняться самообразованием. Книги были моими неизменными спутниками и умными советчиками и в походах во время гражданской войны, и во время командировок в мирной жизни. Следует сказать, что жизнь моя сложилась не совсем гладко и «уютно». Рядом со светлыми страницами было в ней и немало горечи и разочарований, не раз при-

¹ Ч а к л а к и — незамерзающие трясины.

шлось пережить боль утраты очень близких мне людей. Если бы не книги, было бы невыносимо трудно.

Я с увлечением читал Дарвина, Тимирязева, а позднее Мичурина, усердно изучал естествознание. Захватили и общественные науки — учение французских просветителей, социалистов-утопистов, книги о революционном прошлом нашей страны и других народов, труды классиков марксизма и, конечно же, произведения татарских и русских классиков.

Упорное, систематическое самообразование — вот что помогло мне стать литератором.

К тому времени было уже чему поучиться и в современной татарской литературе. После Великого Октября, опираясь на богатое наследие, накопленное на протяжении семи веков, наша литература сделала серьезный рывок вперед. В первые же годы революции в ряды советских писателей вместе с признанными народом крупными представителями дореволюционной литературы Г. Ибрагимовым, Г. Камалом, М. Гафури, Ш. Камалом и другими влились новые, молодые силы — такие талантливые писатели, как Кави Наджми, Шамил Усманов, Наки Исанбет. Во всю мощь развернулась звонкая сила поэта-трибуна Хади Такташа. Выступили со своими книгами талантливые поэты Муса Джалиль, Адель Кутуй, Фатых Карим, Хасан Туфан. Выходили в свет романы и повести писателя и крупного ученого Галимджана Ибрагимова. Появление таких его замечательных произведений, как «Дочь степи», романов «Наши дни», «Глубокие корни», многочисленных рассказов было крупным событием в культурной жизни не только татарского, но и других тюркоязычных народов. Книги Г. Ибрагимова служили образцами новой, реалистической литературы, насыщенной революционным пафосом и глубоким жизненным содержанием.

Была в разгаре коллективизация сельского хозяйства. Деревня бурлила. Борьба за новую, свободную от собственности жизнь, события исторического значения, происходившие на моих глазах, не могли не волновать меня. Я работал тогда в сельском районе народным следователем. И, естественно, как коммунист (я вступил в ряды партии в 1928 году), по поручению волкома ВКП(б), участвовал в организации колхозов, выступал с разоблачением происков кулачества — словом, находился в самой гуще событий. И я «не выдержал». Под впечатлением острых столкновений между тружениками и кулаками в 1930 году написал рассказ под страшноватым названием «Окровавленные пальцы». Этот первый мой рассказ был напечатан в журнале «Ударниклар», выходившем в Москве. (Правда, за несколько лет до этого я опубликовал очерк о сражении на Сиваше.) Старшие товарищи, Шариф Камал и другие, советовали мне взяться за более крупные произведения, написать повесть или роман о событиях гражданской войны. Но тогда я считал себя еще не вполне подготовленным для такого серьезного дела.

Начал с художественных очерков. Как специальный корреспондент республиканской газеты за два года объездил весь Татарстан. Работая

очеркистом, учился наблюдать, находить самое важное в обыденной, повседневной жизни. Накапливался у меня и жизненный и политический опыт.

С радостью могу сказать, что как писателю мне очень повезло: я бесконечно счастлив, что на своем жизненном и творческом пути встречал много умных, высокоодаренных и по-настоящему хороших людей. Во время гражданской войны это были комиссары и политруки, командиры и бывалые солдаты. Это были донецкие шахтеры и кадровые рабочие Москвы — двадцатипятидесятники, с которыми я работал во время коллективизации. Это были многоопытные пожилые журналисты, писатели, ученые и руководящие партийные и советские работники республики; они как бы объединяли в себе лучшие черты коммунистов-подпольщиков и культурные традиции передовой татарской интеллигенции. Многие из них в свое время прошли испытания в жестокой революционной борьбе, сражались на фронтах гражданской войны, создавали на местах первые органы Советской власти, первые ячейки Коммунистической партии. Они являли собой пример честности, партийной принципиальности и беззаветной преданности великим идеям Коммунистической партии. Словом, это были люди ленинской закалки, настоящие большевики-ленинцы.

Под их духовным влиянием я рос и мужал и как член партии, и как литератор. Они учили меня видеть жизнь и людей глазами партии, глазами народа, глубоко понимать высокий смысл подвига во имя коммунистического идеала.

После окончания Института марксизма-ленинизма я был направлен на работу в редакцию литературно-художественного журнала «Совет эдэбияты». По удивительному стечению обстоятельств я оказался в самом центре, если так можно выразиться, в самой «кухне» татарской литературы, среди тех, кто в моем юношеском воображении обитал где-то очень высоко, обладал недоступной простым смертным волшебной силой художника — чудесным даром слова.

Это были действительно очень талантливые, разносторонне образованные люди, люди высоких моральных принципов. Для меня, молодого литератора, было настоящим праздником слушать проникновенный голос Галимджана Ибрагимова, видеть седеющую копну его волос, ясный лоб и внимательные глаза, смотрящие в мир влюбленно и требовательно.

Он был строг, требователен и к себе, и к молодым. Революционер-подпольщик с головой ученого и сердцем поэта, зачинатель нашей реалистической прозы, председатель Академического центра республики, почетный член Академии художеств РСФСР, он ничуть не подавлял собеседника своим величием, своей эрудицией. В беседе с ним всегда открывалось что-то до сих пор неизвестное, все вокруг как бы приобретало большую значимость, и ты начинал видеть жизнь с более высокой точки. Мы все с трепетом ожидали его оценки наших произведений. Что скажет Галимджан-ага? Ведь как последователь и современник

М. Горького он первый среди крупных талантов повел нашу литературу по пути социалистического реализма. Благодаря его исключительному дарованию после первой русской революции, под благотворным влиянием русского классического романа татарский роман приобрел вполне зрелые реалистические черты и стал многоплановым. Это он вместе с драматургом Галиаскаром Камалом, Шарифом Камалом, Мажитом Гафури и Каримом Тинчуриным стоял у колыбели новой, советской татарской литературы. Он был непревзойденным стилистом и поэтом в прозе. Если Тукай открыл несметные богатства нашего поэтического языка, его красоту, его гибкость, то Г. Ибрагимов сделал это же самое в прозе. Для дальнейшего развития татарской советской литературы и многих других литератур Востока, и особенно жанра романа, для возмужания творчества каждого из нас опыт и пример Г. Ибрагимова имели исключительное значение.

В редакции журнала работали также известный татарский критик Гумер Галеев и замечательный поэт — наш современник — Хасан Туфан. Я был хорошо знаком с весьма популярным тогда своеобразным прозаиком и ученым Гумиром Тулумбайским и часто встречался с ним. Моими учителями и наставниками во время занятий в Институте марксизма-ленинизма и позднее были ученые-литературоведы и лингвисты профессора Газиз Губайдуллин, Ходжа Бадиги, Галимджан Нигмати. Очень помог мне добрыми советами, помог поверить в свои силы наш крупный драматург, мастер новеллы и романист Шариф Камал.

Я уже писал, что «нашел» себя не сразу, и нашел, можно сказать, с трудом. Но зато предмет моей любви в литературе определился с первых же шагов творчества. Видимо, потому, что я родился и вырос в деревне, я сразу же стал писать о деревне, о крестьянстве. Писать о жизни и труде, думах и надеждах тех, кто кормит и поит все человечество, доставляет мне истинное удовольствие. Может быть, сейчас, в век атома и кибернетики, мои суждения прозвучат несколько старомодно, но труд земледельцев, эту древнейшую профессию человечества, я считаю самой благородной профессией, достойной глубокого уважения. Я убежден, что горячую любовь к своему родному краю, к земле, к труду хлебороба необходимо привить и нашей молодежи, что надо всячески поощрять эту любовь, ибо без такой любви не будет ни самоотверженной работы, ни, следовательно, процветания земледелия, изобилия продуктов. Это, по-моему, очень важно, это вопрос номер один. Тем более сейчас, когда хлеборобы нашей страны стоят перед решением задачи всемирного значения: вырастить два колоса там, где прежде рос один.

Возможно, что мою горячую любовь к труженикам деревни подогревало, на мой взгляд, несправедливое, иногда барское отношение к ним некоторых дореволюционных литераторов: ведь очень часто крестьяне изображались людьми духовно инертными, по горло начиненными эгоизмом собственности, безнадежно невежественными. Такое пренебре-

жительное отношение к ним перешло и в некоторые книги послереволюционной литературы.

А сколько среди крестьян настоящих мудрецов, мужчин и женщин, богатых огромным жизненным опытом и наделенных незаурядным природным умом, находчивостью и смекалкой! Сколько одаренных людей дала деревня науке и искусству! Поэтому, когда я писал о деревне, все время как бы защищал мысленно моих любимых героев, стремился показать их такими, какие они есть в действительности. В начале тридцатых годов я часто ездил по деревням и с увлечением готовил для газет и журналов очерки. Это была очень беспокойная работа, но зато как много было в ней радости!

В жизни нашей страны это был период, когда в душе крестьянина, недавно вступившего в колхоз, происходил великий перелом. В обобществленном хозяйстве его «свое» уже стало общим, но это общее еще окончательно не стало «своим», и это цепкое, веками укоренившееся в душе крестьянина занозистое «свое» упорно не хотело сдаваться, оно всячески упиралось, вырывалось с болью. Но в то же время старое уже полностью изжило себя, оно осточертело, а будущее сулило интересное, подлинно человеческое, обещало облегчить изнурительный — от зари до зари — труд... Революционная новь захватила крестьянскую массу, под влиянием духа времени люди менялись буквально на глазах.

Бывало, в самом простом, казалось бы незаметном, колхознике, бригадире или доярке вдруг открывалось что-то невиданное ранее, в поведении появлялась какая-то черточка, которая, освещая их как бы изнутри, раскрывала людей с совершенно неожиданной стороны: как будто на твоих глазах рождался совершенно новый, оригинальный и очень интересный человек.

По вечерам в пустых, неуютных конторах колхозов при тусклом свете керосиновой лампы я писал об этих людях. А на другой день горячее желание встречи с ними опять поднимало меня чуть свет...

Эту любовь к жителям деревни, к их благородному труду я пытался передать и в романе «Честь» и в рассказах.

В начале своего творчества художественность я понимал прежде всего как утонченность, красоту, изящество и торжественность слога. Скорее всего, это было воздействие восточной традиции. Влияние богатой восточной литературы ощущали в своем творчестве почти все представители старшего поколения татарских писателей. В медресе изучали арабский, персидский и тюркский языки; молодые люди из состоятельных семей до первых десятилетий нашего века, как правило, получали образование в Стамбуле или Египте.

Произведения арабских, иранских поэтов и некоторые книги Рабиндраната Тагора мы читали и на татарском языке. Слов нет, литература Востока, которую мы знали, по-своему была очень поэтична, можно сказать, даже роскошна, как роскошны восточные сады, благоухающие ароматом экзотических цветов, манящие невиданными сладкими пло-

дами. В восточной литературе, которая доходила до нас, доминировала красивая условность, близкая к сказочности. А жизнь моего народа, в противоположность этому, была довольно сурова, излишне «реалистична». У нас, как известно, не растут ни виноград, ни персики, ни другие «райские» лакомства, не водятся у нас стройные тонконогие красавцы джейраны или расцвеченные всеми красками павлины. Природа не балует нас своими «бесплатными» дарами и обильным, благодатным теплом. Людям Средней и Северной России все приходится добывать своим упорным и нелегким трудом, зарабатывать своим горбом. Вполне объяснимо поэтому, что многое в произведениях писателей Востока привлекало как красивая, но несбыточная мечта...

Татары испокон веков жили среди русских и, главным образом, в центре России. Естественно, они испытывали сильное влияние и русской культуры. Передовые ученые нашего народа — такие, как великий просветитель Каюм Насыров, братья Хальфины, Шигаб Марджани и многие другие — прилагали немало усилий к тому, чтобы приобщить татарский народ к передовой русской культуре, привить ему любовь к изучению русского языка. Но в то же время продолжала воздействовать на умы веками укоренившаяся в сознании народа культура Востока. Это и не удивительно, ибо вместе с арабским шрифтом и исламом в наш язык и обиход проникли не только арабские, персидские и тюркские слова, но и обычаи и традиции. Это был очень трудный и сложный процесс. Ибо такому сравнительно небольшому народу сохранить самостоятельный путь развития под влиянием таких великанов, как Россия и Восток, было делом нелегким. Этот процесс осложнялся еще и тем, что реакционные силы мусульманского духовенства упорно старались отгородить татар от влияния «гяурской» культуры.

Однако после революции 1905—1907 годов в социальной и культурной жизни народов Поволжья произошли глубокие изменения. Именно с этого периода передовая русская и европейская общественная мысль и литература оказывали решающее воздействие на развитие татарской литературы и искусства.

Мы увидели, что чувство прекрасного вовсе не обязательно выражать только «красивыми» словами и при помощи таких изобразительных средств, которые рождались под сильным воздействием роскошной поэзии Древнего Востока. Реализм, как известно, зиждется на жизненном фундаменте, питается соками самой действительности, иногда довольно суровой, даже грубой, но всегда живой и неисчерпаемо многообразной. Таким образом, реализм был близок и необходим нам по самому своему существу, по своему, так сказать, духу.

На первый взгляд кажется, что ничего мудреного тут нет, запомнить эту истину вовсе не трудно, но понять ее по-настоящему, добратся до глубины ее смысла своим собственным опытом — это уже совсем другое...

После Первого съезда советских писателей, с трибуны которого М. Горький горячо призывал глубоко изучать поэтическое творчество

народа, я стал собирать и записывать сказки, байты, пословицы... Я внимательно вслушивался в народную речь и стремился уловить особенности звучания каждого слова и фразы, подмечать едва заметные оттенки поэтического народного языка, его мелодию. Каждый раз я с радостью открывал удивительное своеобразие художественного мышления и мудрость народа. Со временем все это очень пригодилось. Изучение народного творчества приблизило меня к истокам поэзии, обогатило мой язык, помогло научиться выражать мысль просто, ясно, без излишней «красивости».

По-настоящему я понял тогда природу мудрости, заключенной в простоте. В отрочестве я с увлечением читал рассказы Льва Толстого, которые мне давал учитель соседней русской школы. Меня поражали в них простота языка и глубина мысли. То же самое я испытывал, когда читал Габдуллу Тукая. Слова совершенно обыкновенные, такие, которыми мы пользуемся, когда говорим о самых простых вещах. А вот когда этими же словами начинает «колдовать» художник, словно открывается перед тобой волшебная шкатулка, полная невиданных сокровищ. Впоследствии я убедился в том, что создать значительное художественное произведение способен только тот, кто глубоко познал мудрость своего народа, особенности его художественного мышления, знает его быт, психологию и в то же время стоит на высоте современной, социалистической культуры.

После повести «Сиваш» и многочисленных художественных очерков я написал немало рассказов: «Мать», «Пиявки», «В один из дней», «Лес шумит» и др. Их охотно печатали, иногда хвалили, порой и критиковали, а в общем, отзывались о них неплохо. Но все же полного удовлетворения, настоящей творческой радости не было. После появления каждого произведения в душе возникало глухое, щемящее недовольство: художественное воплощение оказывалось гораздо ниже замысла. Может быть, я напрасно взялся за перо? Такие невеселые думы, бесконечные сомнения посещали меня в бессонные ночи.

Наибольшее творческое удовлетворение принес рассказ под названием «Гость». Мне казалось, что здесь я «нашел» себя, сумел выразить свое собственное видение и понимание мира и с помощью лиризма, красок мягких тонов смог передать мечты моего народа. В рассказе «Гость» яснее определилась и склонность автора этих строк к психологическому анализу, к художественному раскрытию героя изнутри.

Только после этого рассказа я окончательно утвердился в том, что по душе мне именно такое «письмо». Как известно, хорошее музыкальное произведение дает выход таким потаенным, еще не высказанным мыслям, для выражения которых нелегко найти подходящие слова. Так и настоящая лирика. Она помогает открыть доброту и тепло сердец, бесконечное многообразие благородных человеческих чувств, открыть для того, чтобы они обогащали многих людей.

Когда я думаю об этом — то есть о задаче писателя, о творческом

удовлетворении,— мне всегда вспоминаются замечательные слова Хади Такташа. О месте советского поэта в жизни страны он говорил так: являясь частицей активно действующей массы, поэт «должен прислушаться к биению сердец миллионов людей, увидеть самые потаенные уголки их души, собрать помыслы, желания, чувства, быть может не осознанные ими самими,— собрать по крупице, собрать в несовершенном, необработанном виде и, взрастив их кровью своего сердца, вернуть обратно миллионам».

«Взрастив кровью своего сердца»! Как много здесь сказано!

Когда литератор создает подлинно художественное произведение, он, очевидно, в какой-то степени приближается к тому идеалу, о котором говорил Хади Такташ.

В годы Великой Отечественной войны я снова почувствовал острую неудовлетворенность своим творчеством. Но это была неудовлетворенность иного порядка.

Я был тогда главным редактором Татрадиокомитета. В 1942 году несколько месяцев работал в редакции фронтовой татарской газеты. Дни и ночи были загружены до предела, свободного времени не было совершенно. И все же молчать тогда было нельзя, писал урывками. В печати один за другим появлялись мои очерки и небольшие рассказы о героях фронта и тыла. Но мне казалось, что писал я не о самом главном. Самоотверженный, можно сказать, героический труд в тылу, ратные подвиги советских людей на фронте требовали другого, более действенного искусства. В те трудные годы в полную меру раскрывалась духовная красота и стойкость незаметных, простых людей колхозной деревни. Я часто выезжал в села и многое видел своими глазами. Эти люди-герои вставали передо мной как живые, будоражили душу, окрыляли на что-то большое. Они сами вторгались в мою творческую жизнь, и не писать о них было невозможно. Я решил сесть за роман.

В татарской литературе было немало произведений, посвященных женщине. Писали о ее печальной судьбе в старое время; о ее окрыленной радостью мечте утвердить лучшую жизнь писали после революции. И я избрал героем моего романа «Честь» женщину. Мне хотелось, чтобы моя героиня в сравнении с другими, созданными ранее, пусть даже признанными мастерами слова, стояла бы на иной, более высокой ступени. Этого требовала жизнь. Женщина-татарка, как и труженицы всей нашей многонациональной страны, после революции шагнула далеко вперед, изменилась ее психология, весь строй ее мыслей. В то же время образ этой женщины должен был воплощать в себе высокие моральные качества народа, его лучшие национальные черты и богатство его души.

Мне приходилось оглядываться назад, чтобы увидеть те революционные традиции и условия, которые породили моих героев; приходилось заглядывать и вперед, чтобы раскрыть в людях благородные, светлые, возвышенные качества. Ведь наши передовые люди в той или

иной степени несут и черты людей будущего коммунистического общества.

Работа над романом «Честь» была для меня серьезной школой. Еще больше и глубже я узнал и полюбил свой народ. Живые люди, герои моей будущей книги, были рядом со мною. Я привык к ним, как к своим родным, близким друзьям. Когда закончил книгу, стало радостно, что мои герои «пошли в люди», зажили своей собственной жизнью. И стало немного грустно, как бывает грустно, когда расстаешься с людьми, которых полюбил крепко, на всю жизнь...

Как трудно бывает оторваться от творческой работы! С конца сороковых годов до начала шестидесятых я был занят административной и общественной деятельностью. Как только освободился от всех малых и больших своих обязанностей, снова сел за книги и, как прежде, добровольно и с горячим желанием присудил самого себя к пожизненной «сладкой каторге», как у нас шутки ради некоторые остряки именуют многосложный труд писателя.

На этот раз мне, опираясь на свой жизненный опыт, захотелось поразмыслить о судьбе и истории родного народа, о его жизненных источниках, которые никогда не иссякают, а вечно обновляются в ходе движения истории... Где истоки его стойкости и жизнеспособности? Что в характере, давних обычаях и нравах, в культуре народа питало его даровитых и отважных представителей?

Ища ответы на эти и многие другие вопросы, я обратился к молодости нашего поколения, вернулся в свои детские и юношеские годы, вернулся в родные края, где испокон веков жили мои деды и прапрапрадеды, и, чтобы жилось им хотя бы чуточку легче, каждый уголок своей земли украшали поэтическими легендами и певучими названиями...

Мне хотелось попытаться, как говорят, заглянуть в «душу народа», углубиться в сокровенную сущность его незаписанных законов, обычаев, традиций, проникнуть в основной смысл и понять те нравственные, психологические и эстетические нормы, которые служили как бы путеводной звездой, мерилom поведения для целых поколений и формировали облик людей.

Когда трудился над этой книгой, невольно думалось: умно ли, всегда ли уместно и полезно так скоропалительно отказываться от того духовного богатства и добрых традиций, которые народ накапливал в течение тысячи лет такими малыми крупицами и с таким упорным трудом? Нельзя ли все самое доброе и полезное приобщить к современной жизни и как самое ценное духовное наследие наших предшественников нести с собой в будущее? В результате получилась автобиографическая повесть, которая называется «Родимый край — зеленая моя колыбель».

Сейчас я окружен людьми другого, нашего времени. Им предстоит решать новые задачи. По-моему, самые добрые, гуманистические устремления, творческие возможности — словом, все то хорошее, чем

богат трудящийся человек,— ярче и рельефнее всего могут раскрыться в его деяниях. Идет ли он за стадом, сидит ли за рулем машины или разговаривает с матерью, со своей любимой или сверстниками — я с радостью замечая, как этот герой вырос, возмужал. Мне кажется, он понял главное: если во времена отцов и дедов «свое» земледельца стало общим, то сейчас, в наше время, и общее должно пониматься как свое. Только так! Иначе не будет ни любви к земле, ни счастья изобилия.

Но судьбе было угодно, чтобы в этот мой роман «ворвались» и образы нефтяников, мой сельский пейзаж украсили ажурные вышки и серебряные чаны с нефтью. Ибо на земле моей республики произошли опромные перемены.

Оказалось, что на земле всего юго-востока Татарии скрывалось целое море нефти, что наши деды и прадеды, сами того не зная, сидели на крыше богатейших кладовых «черного золота». Когда я бываю в нефтяных районах и хожу между буровых вышек и нефтяных скважин, мне вспоминаются слова М. Горького: «Земля как бы чувствует, что родился на ней законный, настоящий, умный хозяин, и, открывая недра свои, разворачивает перед ним сокровища». Просто диву даешься: сколько здесь произошло удивительных открытий, похожих на настоящее чудо! Что ни шаг, то уникальное месторождение, что ни вышка, то нефтяная знаменитость, прославившаяся на всю страну, а то и на весь мир!

Старая татарская деревня Миннибаево свои ветхие избушки освещала раньше лучиной. А теперь? Именно у околицы этой деревни начинается знаменитый трансевропейский нефтепровод «Дружба», который доставляет татарскую нефть в Польшу, Чехословакию, ГДР, Венгрию...

В течение каких-нибудь двадцати пяти лет Татария превратилась в высокоразвитую индустриальную республику. Появление нефти изменило облик деревни, образ жизни тружеников села. Для многих работа на нефти стала потребностью души.

И писателю, пишущему о своих современниках, не видеть этого было бы просто невозможно. Потому что на земле моих героев рядом со зреющими нивами расположились и высоченные нефтяные вышки. И я пытаюсь найти гармонию, взаимосвязь между трудом сельским и трудом промышленным.

Вот уже сколько лет манит меня романтика нефти, романтика неизведанных глубин. Я пытаюсь проникнуть в эти первозданные тайны земли и увидеть их глазами вчерашнего земледельца, сегодняшнего образованного геолога. Удастся ли мне «впитать» в себя романтику нефти, поэзию индустриального труда? Трудно сказать, роман еще только пишется. Во всяком случае, я вижу, как социалистическая индустрия шлифует земледельца, как она проводит в его характере новые грани, какие-то черты переделывает, что-то отбрасывает прочь.

И как стирается грань между трудом земледельца и промышленного рабочего, здесь видно яснее.

Вот об этом я сейчас и пишу. Ощущаешь большую радость и ни с чем не сравнимое удовольствие, когда удастся «перенестись» в мир своего героя. Мне радостно видеть его бодро шагающим по родной земле, ступающим по ней как хозяин, как наследник всего лучшего, что создано не только его дедом и отцом, но и всем человечеством...

Страстно хочется показать молодых героев-современников свободными в самом полном, самом глубоком смысле этого слова. Где бы и кем бы они ни работали, им должны быть глубоко чужды всякое раболепие, угодничество, чувство холопской зависимости от воли других, оставшиеся нам от старого...

Для этого надо найти самые меткие, единственно необходимые и правильные слова. Все более воодушевляет тебя надежда, что если ты сумеешь проникнуть в самую сущность событий, явлений, в глубину души читателя, то этим самым и ему доставишь большую и светлую радость. Иногда согреть своим теплом дерзкая мысль: а может, какой-то кусок твоей книги затронет такие заветные струны души читателя, что после этого он станет лучше, что ты поможешь ему найти в себе такие запасы скрытого душевного богатства, о существовании которых он раньше и не подозревал. Как хочется, чтобы после прочтения твоей книги жизнь показалась людям еще интересней!

Возможна ли для литератора радость бо́льшая, чем эта?

Трудности и радости творчества, чередуясь между собой, плотно заполняют твои дни.

Еще будут минуты мучительного разочарования и неуверенности в себе... Бывает и другое — нет-нет да и начнет убаюкивать тебя сладкая дремота самоуспокоения. И счастье, если сумеешь противостоять и растерянности и самоуспокоению. Мудрый Гете нам советует: надо быть самим собой. Надо уметь говорить о вещах так, как будто это никогда не было сказано раньше...

Каждому литератору всегда кажется, что написанное им прежде — не самое лучшее в его творчестве. Он думает, что свою самую талантливую книгу он еще не написал, он создает ее именно сейчас. И именно в этой своей книге он скажет самые заветные, дорогие сердцу слова, которые вынашивал всю жизнь.

Так и я. Мне бы очень хотелось, чтобы, прочитав мою новую книгу, многонациональный наш читатель полюбил мой родной Татарстан, полюбил и его народ. И сказал бы: какой чудесный и богатый край, оказывается, этот Татарстан, какие там красивые и поэтические реки, леса и луга, какие богатые душой, по-настоящему хорошие, умные и благородные люди там живут, как горячо любят они свой родной край и как любовно его преобразили!

Очень хочется верить, что эта мечта сбудется.